

Женский пиратский корабль / рассказы бывалого морехода

Category: Heкаýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Женский пиратский корабль / рассказы бывалого морехода ЖЕНСКИЙ ПИРАТСКИЙ КОРАБЛЬ

1. Язык, доступный пониманию

А вот была, доложу вам, история, когда пригласили меня «чифом» – старпомом по-русски – на женский пиратский корабль. Матом не ругайся! Водку не пей! С прекрасным полом общайся на доступном пониманию языке. А какой он, доступный, для женщин? Думал-думал – пояснили: графический. Точка, точка, огуречик – вот и вышел человек. А что рожица кривая, так на то и помада есть: можно подправить-подретушировать. Можно, да не нужно, когда предметом владеешь. А я этим предметом, графического свойства и предназначения, владею – дай Бог каждому!

Поделиться опытом?

Делюсь, чего там. Пригодится!

Авось, еще кто-то намерен подрядиться на женский пиратский корабль.

2. Морская графика

По морю, вдоль линии горизонта, шел женский пиратский корабль.

___ 0 ___ 0 ___ 0 ___ 0 ___ 0 ___ 0 ___

Прозвучала команда:

– Задраить иллюминаторы!

Задраили.

– Что за диво-команда? – подумалось Насте-абордажнице. И она после того, как задраилась наглухо, нарушила любопытства ради

предписания внутреннего распорядка корабельной службы: расчехлила иллюминатор, прильнула к оконному кругляку.

_____0_____

– 0! – обалдела. – Да это же не иначе, как пираты-подводники с вражеского острова Бодибосса к нам подкрадываются.

– Эй, дурики! – закричала встревожено. – Здесь вам не курорт! Нечего рассчитывать на внебрачные связи!

Пираты-подводники с вражеского острова Бодибосса, глупо хихикая, откликнулись на беззвучном языке морского семафора.

____?____?____?____?_____

– Ах, так!? – осерчала Настя-абордажница на мужиков, молчаливо хихикающих в соленой воде. – В подплаве гибнут всем экипажем!

И – бух! – гранату за борт.

Ну, и?

Мораль сей басни такова: Настя и на этот раз оказалась права – в подплаве, действительно, гибнут всем экипажем.

Конец.

3. Абордажные крючья

Последовал приказ:

– Мужиков брать на абордажные крючья!

Настя-абордажница и взяла мужика на крюк. Вытащила из воды, почти целехонького. Только что без одного, вырванного походя, легкого. Да, впрочем, на что оно ему, махорщику-самокрутчику? Все равно прокурит насквозь. А так, без одного легкого, хоть меньше кричать будет, когда поведут сдавать в ЗАГС. На предмет законной женитьбы. А то ведь, подлец, не хотел. В воду сиганул. Думал, там спрячется от семейного долга.

Забыл, дуралей: долг платежом красен.

Вот теперь и назрело, друг ситный! Долг исполняй! А за платеж не волнуйся. Твою доставку уже оплатили досрочно.

И женский пиратский корабль пошел по морю дальше, закидывая на мужиков абордажные крючья.

4. Русалочий рынок

Русалочий рынок в двух часах ходу по штилевому морю. А по воздуху до него вовсе минут пятнадцать. Настя-абордажница предпочла вертолет. Товар у нее скоропортящийся. Припозднится с продажей, пиши – пропало. Сговорила она с Кларой-вертолетчицей. Сели на «вертушку» и давай гоняться за тучками, пока не приземлились-приводнились на русалочьем рынке.

– Эй, девушки! – закричала Настя. – Набегай!

Из пучины выявился руслак, пьяная морда, с бородой и усами, как у моржа.

– Что дают?

– Тебе без надобности.

– Не брешь, дура! Нам все по надобности, что девки дают!

– Дай ему по башке! – подсказала Клара-вертолетчица.

Настя и дала, чтобы не приставал. Пошел руслак на дно, к затонувшему с грузом водки танкеру. Дохлебывать и досматривать пьяные сны. А на поверхность всплыли его жены, хвостатые красавицы, восемнадцати русалочьих лет. Все в льняных локонах и с подведенными несмываемой тушью глазками.

– Настена! – закричали радостно. – Все привезла, что заказывали?

– Все! Все! Как разбирать будем? Оптом или поштучно?

– Поштучно. Мне десяток.

– И мне

– И мне, – послышался писклявый голосок.

– А ты совершеннолетняя?

– Спрашиваешь! Смотри, какие грудки выгуляла.

Настя присмотрелась: и впрямь молодуха грудастая. На аттестат русалочьей зрелости тянет.

– Как берешь? Поштучно?

– Поштучно!

– В обмен на...

– Жемчуг! Товар того стоит.

– Тебе десять. И мне десять, – и отсыпала ей товар в руки.

Не прошло и пяти скорых минут, как торговля завершилась с крупным для Насти наваром, и русалки разбежались по своим

подводным норам.

– Пошли беременеть! – удовлетворенно проводила их взглядом Настя.

– Чего так? – удивилась Клара-вертолетчица.

– Да мужик у них – не видала? Не руслак, а в чистом виде «не приведи Господи!» Пьяный, порченный, и немощный по мужской части. Как затонул тут наш танкер с водкой, так он и не просыхает. Вот я им послушаю и завожу сперматозоиды. Вчера как раз случай вышел. Зацепила на абордажный крючок мужика... Ну, и обогатилась. Отчего же девахам не помочь? Рожать-то надо!

– А мне? Мне почему раньше не сказала?

– Что? И в тебе это бесиво?

– Спрашиваешь! Смотри, и я грудки выгуляла.

Настя присмотрелась, и осознала: Клара-вертолетчица ничем не хуже русалки, не дать – не взять, девка на выданье.

Поди, и потребности у нее те же.

– Как берешь? Поштучно или оптом?

– Все беру, все! И не балуй русалок, прежде о подругах подумай.

5. Смерть Эсхила

– Благодарю тебя, Создатель, что не родил меня мужчиной! – выводила Клара-вертолетчица в молельне женского пиратского корабля.

– И я тебя, Господи, за это благодарю. От всего сердца, – подпевала Настя-абордажница.

Мне стало любопытно. И я на правах «чифа», старпома то бишь, полюбопытствовал:

– Почему?

– По качану! – отозвалась Клара-вертолетчица.

– Не понял!

– Он не понял, – засмеялась Настя-абордажница.

– До него долго доходит. Не Эсхил.

– При чем здесь Эсхил?

– А вот притом, что был лысым.

– Ну, и был! А кто из мужиков после тридцати не лысый?

Трезвенники и язвенники.

– Вот поэтому и не хочу быть мужчиной.

– Объяснись!

– А терпения хватит слушать?

– Хватит!

– Тогда слушай...Отец греческой драмы Эсхил возвращался в 456 году до нашей эры домой от богача, по просьбе которого собирался написать еще одну душещипательную пьесу для греческого театра. Но не написал. Дело в том, что парящий в небе орел принял его лысую голову за крупный камень-голыш. И по обычаю греческих орлов сбросил на этот бродячий камень черепаху, чтобы расколоть ее панцирь. По сей день не известно, разбилась ли черепаха о голову Эсхила. Но голова Эсхила разбилась, и он умер на месте. Это точно.

– Душа моя, вот поэтому ты и не хочешь быть мужчиной?

– Поэтому!

– Побойся Бога, Клара! Единичный случай. Где еще найдешь такого ненормального орла – ненавистника лысых?

– О, не зарекайся! Орел – единичный, да! Эсхил – единичный, да! И даже мой вертолет – единичный, согласна. А лысых козлов внизу – до потери сознания, со счета собьешься!

И Клара-вертолетчица пошла к своему летательному агрегату, приговаривая: «Благодарю тебя, Создатель, что не родил меня мужчиной».

– На ужин у нас черепаховый суп, – подмигнула мне Настя-абордажница и, вскинув на плечи мешок с панцирным деликатесом, поспешила за подругой на стартовую площадку.

6. Седьмой день творения

Ученые доказали, что самый оптимальный режим работы для человека – это Божеский: шесть дней – в трудах праведных, на седьмой – отдых.

С этим предложением, чтобы жить и трудиться, как говорится, по-Божески, я и пришел в ходовую рубку, к капитанше – «мастеру» на нашем морском наречии – Милене Бертольдшне Родине.

– Хватит вкалывать напропалую всю неделю подряд, – сказал я на правах старпома. – Даешь отдых! Шесть дней работай, на седьмой отдыхай, как господь Бог.

– Не в субботу ли случаем?

– Надо же по-Божески!

– Э, нет, милочка! Таким макаром ты нас всех в отдельную касту выделишь. Евреями для собратьев пиратов сделаешь. А мы люди разных национальностей – свободные женщины! – сказала Милена Бертольдовна Родина.

– Отдыхайте в воскресенье, как христиане. Отдыхайте в пятницу, как мусульмане. Или в иной подходящий по разнорядке день, как буддисты, – загорячился я. – Все зависит от точки отсчета: какой день принимать за первый. Принцип же остается прежний – отдыхать по-Божески, на седьмой день творения. Ибо, как сказано, в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в седьмой день почил. Пример заразительный, не правда ли?

– Принято! – сказала капитанша Милена Бертольдовна Родина.

А раз принято Родиной, значит, оформлено на судне. И отдано приказом.

Вот и отдыхаем.

Седьмой день подряд.

Люди-то у нас на борту оказались семи различных национальностей и религиозных предпочтений. Кто с ними спорить станет – свободные женщины! Пусть отдыхают от абордажных налетов и разбоев.

7. Шалости Бермудского треугольника

К Новому году мы вышли на траверз Бермудского треугольника, навстречу нам выплыли местные Ужасики. Рожа – во! Зубы – во! Увидишь – гикнешься!

– Убоись, меня человек!

Но не на тех напали Ужасики.

На их «убоись!» капитанша Милена Бертольдовна Родина сказала:

– Положить! Право руля!

Положили.

А там местные приведения. Прозрачные гадости. Еле по штриху просматриваются.

– Дрожмя дрожи, человек! Мы тебя скушаем!

Но не на тех напали и привидения.

На их «дрожмя дрожи!» капитанша Милена Бертольдовна Родина сказала:

– Положить! Лево руля!

Положили.

Там образовался чистый водный коридор.

Проскочили. Но куда? Поди, разберись, когда береговой маяк не нашим светом подмаргивает.

– Куда просунулись? – заволновалась Клара-вертолетчица.

– Кажись, на тот свет. Я справки навела у штурмана, – взволнованно прошептала ей на ухо Настя-абордажница.

– А что капитанша?

– Капитанша – зверь! Что ей тот свет? Главное, что маяк обнаружила.

Штурвальная заробела.

– Тот свет, Милена Бертольдовна! Отвернуть?

– Положить! На тот свет! – сказала капитанша Милена Бертольдовна Родина. – Этот свет обманчив, проверим тот.

Положили руля на тот свет. Убедились: и он обманчив. Как только положили на него, он без промедления этим светом обернулся.

Открылись гостеприимные берега. Подали из рупора голос.

«Давай швартуйся, женский пиратский корабль. Семи смертям не бывать, а уважение к личности у нас отменное».

Капитанша Милена Бертольдовна Родина тут же откликнулась.

– Положить! На голос!

Положили руля на голос.

А дальше?

Дальше – пришвартовались, жизнь продолжается...

Девки, пошли чай пить к заезжим пиратам!

Прозаик, Родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге (Россия), закончил отделение журналистики ЛГУ в Риге, автор 27 книг стихов, прозы, очерков, эссе, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству. Член правления международного союза писателей Иерусалима, главный редактор литературного радиожурнала «Вечерний калейдоскоп» – радио «Голос Израиля» – «РЭКА», член редколлегии израильских и российских журналов «Литературный Иерусалим», «ИСПРАГЕО», «Приокские зори». Живет в Иерусалиме.
Некаýalar